
Aleksandr Demidov
ГУСИНАЯ ДОРОГА
Чтобы вернуть живых,
надо научиться отпускать мертвых
МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ
О ПАМЯТИ, ВЫБОРЕ И ДОРОГЕ МЕЖДУ МИРАМИ

Aleksandr Demidov

Гусиная дорога

https://litres.ru/74363388
SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти отца одиннадцатилетняя Злата не может поверить, что его больше нет. Услышав от бабушки старое предание о Гусиной дороге — дороге, по которой души уходят за край мира, — девочка ночью приходит к роднику и зовёт отца. И исчезает.

Её старший брат Иван отправляется следом и оказывается в мире, где старые татарские предания — не сказки. Здесь в лесу смеётся Шурале, в чёрной воде ждёт Су анасы, по степи ходят древние существа, а над всем этим миром тянется Гусиная дорога — путь, предназначенный не для живых.

Это история о брате и сестре, о любви и утрате, о древней мифологии, которая оказывается живой, и о самом трудном выборе — удержать того, кого любишь, или найти в себе силы отпустить.

«Гусиная дорога» — мистическое фэнтези, выросшее из татарских мифов и преданий, но рассказывающее историю, понятную на любом языке: что происходит с нами, когда мы не можем проститься с теми, кого потеряли.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гусиная дорога

Глава 1

Вода в вёдрах плескала на босые ноги, и Иван шёл медленно, чтобы не расплескать больше, чем уже расплескал. От колодца до дома было двадцать два шага. Он знал точно — Злата их пересчитывала каждый вечер, вслух, и каждый вечер получалось по-разному.

— Двадцать. Двадцать один. А почему у бабушки телевизор чёрно-белый?

— Не чёрно-белый. Старый.

— А почему старый?

— Потому что новый она не купила.

— А почему не купила?

Он поставил вёдра на крыльцо. Спина ныла. Дома, в городе, воду не носили — она была в кране, тёплая и холодная, и никто не считал до неё шаги. Здесь всё нужно было делать руками, и все дела почему-то доставались ему.

— Иди умойся, — сказал он. — Поздно уже.

— Тебе тоже поздно.

— Я старший.

Злата задумалась над этим, как над чем-то новым, хотя слышала сто раз. Ей было одиннадцать, и она ещё верила, что «старший» — это должность, которую дают за что-то, а

не просто так, только потому что родился раньше.

В кухне пахло топлёным молоком и старым деревом. Бабушка сидела у стола, перебирала что-то в миске — сушёные травы, Иван не разбирал какие. За столом было четыре табуретки. Их всегда было четыре, и одна всегда стояла с краю, чуть отодвинутая, и на неё никто не садился, и никто не двигал её обратно. Иван на неё не смотрел.

Мать не приехала. Мать в этом году вообще мало где была — она была дома, за задёрнутыми шторами, и «отдыхала», как говорили взрослые тем голосом, которым не объясняют, а закрывают тему. Иван и Злату отвезли к бабушке, потому что так было проще для всех. Так теперь многое делалось — потому что проще.

— Аша, улым, — сказала бабушка и подвинула ему чашку. — Ешь.

— Я не хочу есть.

— Аша.

Он сел и стал есть. С бабушкой не спорили — не потому, что она была строгой, а потому, что спорить было всё равно что спорить с погодой. Она говорила короткими словами, половину по-татарски, и не повторяла дважды. Иван понимал одно слово из трёх. Злата не понимала ни одного, но кивала так, будто понимала все, и бабушка почему-то говорила с ней больше, чем с ним.

— Бабушка, а что это?

— Мәтрүшкә.

— А это?

— Тоже мәтрүшкә.

— А почему всё мәтрүшкә?

Бабушка засмеялась — сухо, коротко, как ветка треснула. Иван доел и стал смотреть в окно. Сад за окном темнел, наливался синим, и в самой глубине, за огородом, где земля шла под уклон к оврагу, стоял родник. Днём его было видно — блестел между камней. Сейчас его не было видно, только слышно: тонкая, ровная струйка, которая не переставала ни днём, ни ночью, ни зимой. Дед его чистил. Дед давно умер. Родник остался.

— Не ходите туда ночью, — сказала бабушка.

Иван обернулся. Она не смотрела на него — смотрела в свою миску, перебирала траву, и сказала это так же буднично, как «ешь» или «поздно».

— Куда?

— К роднику. Как звёзды сойдут — не ходите. И не зовите там никого. Над водой звать нельзя.

— Кого звать?

— Никого. Мёртвых не зови. — Бабушка не подняла глаз. — Позовёшь — не тот придёт. А кто на зов идёт, тот отпускать не умеет. — Она собрала травы в горсть, ссыпала в тряпицу. — Слышишь, кызым?

Последнее было Злате. И Злата, которая на «двадцать два» переспрашивала по шесть раз, тут вдруг ничего не переспросила. Просто кивнула — медленно, серьёзно, глядя на

бабушку своими большими глазами.

Иван про это не подумал. Это было одно из тех деревенских правил, которых у бабушки было много и которые все ничего не значили. Не свисти в доме. Не оставляй нож на столе на ночь. Не смотри в зеркало при свече. Иван кивал на них и забывал раньше, чем бабушка договаривала.

Он встал, отнёс чашку.

— Спать.

Ночью он проснулся неизвестно от чего. В доме было тихо, тикали часы, за стеной ровно дышала бабушка. Он повернулся к Злате — её кровать стояла у окна.

Злата не спала.

Она сидела, поджав колени, и смотрела в окно. Ставни были открыты, и небо в них стояло чёрное, густое, всё в звёздах — таких, каких в городе не бывает, где их две или три и те бледные. Здесь их были тысячи, и через всё небо, наискось, тянулась широкая мутная полоса, будто кто-то пролил молоко и не вытер.

— Ты чего не спишь, — сказал Иван. Не вопрос — со сна, ворчливо.

Злата не обернулась.

— Там дорога, — сказала она тихо. — Видишь? Дорога на небе.

— Это Млечный Путь. Спи.

— Бабушка говорит, это гуси летят. Куда гуси летят осенью, туда и она. А у края дороги змей лежит. Кому срок —

того пропустит. А живого — не пустит.

— Спи, Злата.

Он отвернулся к стене, натянул одеяло. Последнее, что он слышал, засыпая, — как сестра что-то шепчет у окна, очень тихо, одно короткое слово, снова и снова, и он не разобрал какое, и не стал разбирать, и провалился в сон.

Глава 2

Злата дождалась, пока брат задышит ровно.

Это было нетрудно. Иван засыпал быстро, как выключался, — мама всегда говорила, что ему бы только до подушки. Мама много чего говорила раньше. Теперь мама говорила мало, и всё больше из-за двери, и всё больше «потом, солнышко, потом».

Злата спустила ноги на пол. Половица была холодная и знакомая — она уже знала, какая скрипит, и переступила через неё. В доме пахло травой и молоком. За стеной дышала бабушка. Часы тикали.

Про папу ей никто толком не сказал.

Ей сказали много слов, и все слова были мягкие, как вата, и ни одно ничего не значило. «Папы больше нет с нами». Нет — где? С нами — а с кем тогда есть? Взрослые говорили так, будто прятали что-то за спиной и думали, что она не видит. Иван перестал про папу говорить совсем. А раз никто не говорит правду, значит, правду надо узнать самой.

Бабушка сегодня сказала: над водой звать нельзя.

Злата лежала потом в темноте и думала об этом. Если бы позвать было просто нельзя — как нельзя свистеть в доме, — бабушка не смотрела бы так. Бабушка смотрела так, будто это работает. Будто если позвать — услышат.

Значит, услышат.

Она вышла на крыльцо. Ночь стояла тёплая и такая большая, какой в городе не бывает, — в городе небо кончалось за крышами, а здесь его не было конца. Звёзды висели низко, густо. Через всё небо шла та самая дорога, широкая, светлая. Гуси летят, сказала бабушка. Куда гуси осенью — туда и она.

Папа однажды сказал почти так же. Он привёз ей из командировки серёжки — маленькие, три листика на одном стебельке, зелёные. Клевер, сказал он. На счастье. У кого такой листик — тому всегда есть дорога домой. Одну она потеряла в тот же месяц. Вторую носила не снимая, и сейчас она была в ухе, тёплая от кожи.

Злата тронула серёжку пальцем и пошла с крыльца.

Босиком по мокрой траве, вниз, в овраг. Трава была холодная и щекотала, и роса стекала между пальцев. Овраг уводил вниз, к чёрной полосе кустов, а за кустами был слышен родник — тонко, ровно, без остановки. Она шла на звук. Ни разу не оглянулась на дом. Ей не было страшно. Ей было хорошо, как бывает, когда идёшь к тому, кто тебя ждёт.

Родник лежал между камней маленьким чёрным зеркалом. Днём в нём была видна каждая песчинка на дне; сейчас дна не было — была только чернота, гладкая, тугая, и в ней стояло небо. Всё небо, целиком. И дорога. Дорога через воду шла так же, как через небо, — наискось, из края в край, — только в воде она была ближе. До неё можно было дотянуться.

Злата встала на колени на плоский камень. Наклонилась

к воде.

— Папа, — сказала она.

Вода не двинулась. Звёзды в ней стояли ровно.

— Папа. Это я.

Ничего. Только струйка звенела где-то сбоку, всё так же, ровно.

Ей вдруг захотелось заплакать — не от страха, а от того, что вот сейчас окажется, что взрослые правы и звать некого. Она наклонилась ниже, так что коснулась носом холодной воды, и звёзды разбежались кругами, и она сказала совсем тихо, одними губами, папино имя.

И вода стала тёплой.

Не вся — там, дальше, у дороги. Оттуда потянуло теплом, как из открытой двери в морозный день, как от печки, к которой идёшь с улицы. Тёплым и знакомым. Так пахло от папиного свитера. Так было, когда он сажал её на плечи и она держалась за его лоб.

— Папа?

И тогда небо в воде дрогнуло.

Оно не пошло рябью — наоборот. Небо над головой качнулось, поплыло, а то, что стояло в воде, осталось неподвижным, твёрдым. На один долгий миг их стало двое — настоящее небо вверху и небо в роднике, — и настоящее было зыбким, а то, что в воде, — настоящим. А потом они поменялись местами. Тихо, без всплеска. Верх стал низом. Дорога, что была отражением, стала дорогой, а дорога в небе —

отблеском.

Тепло было совсем близко. По дороге, там, где она поднималась от воды, кто-то стоял и ждал, и Злата знала — знала так, как знаешь во сне, без сомнений, — кто это.

Она поднялась с камня. Серёжка-трилистник блеснула, когда она повернула голову, и осталась лежать на камне — Злата не заметила, как та расстегнулась, зацепившись за ворот, когда она наклонялась. Маленький зелёный листик на мокром камне, у самой кромки воды.

Злата шагнула на дорогу.

Ей было тепло. Ей было хорошо. Она шла к папе и в первый раз за долгое-долгое время ни капельки не боялась.

Позади сомкнулась вода.

Глава 3

Иван проснулся с готовыми словами. Так нельзя, скажет он ей. Умерших не зовут. Папа не придёт, потому что папа умер, и чем раньше ты это поймёшь, тем меньше будешь реветь по ночам и будить меня.

Он повернулся к окну, чтобы сказать это.

Кровать была пуста.

Одеяло откинуто, простыня смята и холодная — он потрогал, сам не зная зачем. За окном светало, серо и тихо, петух ещё не орал. Рано. Злата не вставала рано никогда, её из пушки не поднимешь.

— Злата, — сказал он в пустую комнату. Негромко, чтобы не разбудить бабушку.

За стеной ровно дышала бабушка. Часы тикали. Дом спал.

Он натянул штаны и вышел. На крыльце было холодно, доски мокрые от росы. Двор пустой. Он обошёл дом — за угол, к колодцу, к сараю, где летом спали кошки. Никого. Огород лежал седой от росы, ровный, нетронутый.

Не нетронутый.

По росе, через весь огород, вниз, к оврагу, шла тёмная строчка. Там, где ступала нога, роса была сбита, и трава темнела. Маленькие шаги. Босые.

— Ну ты дура, — сказал Иван вслух, и от того, что сказал вслух, стало чуть легче. Пошла к роднику. Ночью. Босиком.

Он представил, как найдёт её сейчас там — замёрзшую, зарёванную, — как отругает и как потащит домой за руку, и она будет ныть, и всё будет нормально. Всё будет как всегда.

Он пошёл по её следу вниз, в овраг.

След вёл ровно, не петлял. Она шла уверенно, знала куда. Овраг спускался к чёрной полосе кустов, из-за кустов звенел родник — тонко, ровно, как ночью, как всегда. Иван продрался через кусты, царапнув щёку, и вышел к воде.

— Злата!

Родник лежал между камней. Пусто. Никого.

Он стоял и смотрел, и первая мысль была такая простая и такая страшная, что он не сразу её понял. Вода. Она в воде.

Он бросился на колени, сунул руки в родник. Вода обожгла холодом. Он шарил по дну — а дно было вот, сразу, по локоть, каждый камешек, каждая песчинка. Родник был мелкий, по колено взрослому. В нём нельзя было утонуть. В нём нельзя было спрятаться. В нём никого не было.

Иван вынул руки, красные от холода, и сел на пятки.

Следы. Он посмотрел на следы. Они шли по сырой земле от кустов к воде — маленькие, босые, чёткие, — подходили к самому плоскому камню у кромки. И там кончались.

Не разворачивались. Не уходили в сторону. Не входили в воду. Просто — кончались. У камня было двое следов, носками к воде, будто она встала здесь и не сделала больше ни шагу. Ни вперёд, ни назад.

Иван смотрел на это и не понимал. Земля дальше была

ровная, сырая, чистая. Никаких следов. Как будто отсюда, с этого камня, она шагнула вверх.

На камне что-то блеснуло.

Он взял. Маленькое, холодное, мокрое. Серёжка — три листика на одном стебельке. Он знал её. Он видел, как папа доставал их из кармана куртки, ещё в той жизни, где папа доставал что-то из карманов, и говорил Злате какую-то ерунду про клевер и про дорогу домой, и Злата визжала. Одну она потеряла тогда же. Вторую не снимала.

Вторая лежала у него на ладони, на этом берегу.

И тогда Иван сделал то, чего делать не надо было. Он наклонился к воде — совсем близко, как наклонялась ночью она, — чтобы посмотреть, нет ли на дне ещё чего, второй серёжки, чего угодно, любого объяснения.

И увидел небо.

В воде стояла ночь.

Он поднял голову рывком. Над ним было утро — серое, пустое, светлеющее, ни одной звезды. Он опустил глаза в родник. В роднике была чёрная ночь, и звёзды, тысячи, и через всю воду наискось шла широкая светлая полоса, дорога, та самая, про которую Злата говорила — гуси, осень, туда и она.

Этого не могло быть. Небо в воде — это небо над водой, перевёрнутое. Всегда. Он снова вскинул голову — светлое пустое утро. Снова вниз — ночь и дорога. Вода не отражала. Вода показывала другое.

И на дороге, там, в чёрной глубине, где она поднималась от воды вверх и вдаль, было что-то. Иван смотрел, не мигая, до рези, до слёз, — и чем дольше смотрел, тем яснее видел. След. По дороге, вверх, уходил след. Маленький. Босой.

Он не подумал: этого не бывает. Он не подумал: я схожу с ума. Он не подумал вообще ничего из того, что думают люди, у которых есть время подумать. У него не было времени. У него была сестра, которая шагнула вверх с этого камня, и след, который вёл за ней, и он был единственный, кто этот след видел.

Иван сжал серёжку в кулаке, наклонился к чёрной воде, где стояла дорога, и потянулся к ней рукой.

Вода была тёплая.

Глава 4

Вода не пустила его вниз. Она потянула вверх.

Иван понял это не головой, а животом — тем местом, которым чуешь пустоту, когда пол уходит из-под ног. Рука вошла в тёплое, а дальше тёплое сомкнулось не на руке — на нём всём, разом, со всех сторон. Мир качнулся и перевернулся. Он рванулся назад, к берегу, к утру — но берега уже не было, не было ни верха, ни низа, только чёрная вода и звёзды в ней, повсюду, снизу и сбоку, и он летел сквозь них, не понимая, где кончается вода и начинается небо.

Он хотел закричать. Крик вышел пузырями. Холод резал. В груди жгло. Он сжимал в кулаке что-то острое и не помнил что.

А потом его выбросило.

Иван упал на четвереньки, и его вырвало водой — ледяной, с привкусом железа. Он кашлял, драл горло, хватал воздух. Воздух был. Твёрдая земля под ладонями была. Его трясло, и он долго не поднимал головы, потому что пока не поднимаешь головы — можно верить, что сейчас увидишь родник, кусты, огород, серое утро.

Он поднял голову.

Родник был. Тот же — между тех же камней, тонкая струйка, ровный звук. И камень, плоский, у кромки, с которого шагнула Злата. Всё было на месте.

Всё остальное было не на месте.

Не было кустов. Не было оврага, дома за огородом, огорода. Земля от родника уходила ровно, без края, во все стороны — голая, серая, схваченная инеем степь, и по ней гулял ветер, которого Иван не слышал, но видел, как он гнёт сухую траву далеко-далеко. Над степью стояло небо. Чёрное, ночное, всё в звёздах, и через него, из края в край, наискось, шла широкая светлая дорога.

То самое небо, что было в воде. Теперь оно было наверху. А утра не было нигде.

Иван встал. Ноги держали плохо. Он обернулся — за спиной та же степь, тот же край без края. Он был один посреди всего, и было тихо. Так тихо, как не бывает по-настоящему: ни птицы, ни листа, ни далёкой машины, ни собаки в чужом дворе. Только родник звенел за спиной да стучало у него в ушах его собственное сердце — громко, отдельно, будто чужое.

Изо рта шёл пар. Летом. Он смотрел, как своё дыхание белым облачком тает в чёрном воздухе, и вдруг понял, что дышит здесь он один. Что весь этот холод, вся эта степь — не дышит. Что он тут единственное тёплое пятно на много вёрст стылой земли. Он не знал, откуда знает, что это опасно. Но знал.

«Домой», — подумал он. Родник вот, за спиной. Нырнуть обратно.

Он повернулся к воде — и споткнулся на мысли. Как зва-

ли пса у соседей? Рыжий такой, лаял на велосипед. Иван видел его как живого — а имя не шло. Только что было, вертелось, и — нет его. Иван мотнул головой. Ерунда. Не до пса.

Он шагнул к роднику — и остановился.

Потому что если нырнуть обратно — то он вернётся один. Без неё.

Он опустил глаза на землю. Искал, сам не зная что, — как ищешь опору, когда стены качаются. И нашёл.

От родника, от того самого камня, по инею, в степь уходил след. Маленький. Босой. Он лежал прямо на земле, наяву, а не в чёрной воде, — две ступни рядом у камня, а дальше по одной, шаг за шагом, ровной строчкой, туда, вдаль, где серая степь темнела длинной полосой.

Иван смотрел на этот след, и его перестало трясти.

Он не спросил себя, почему видит его так ясно, когда иней вокруг ровный и чистый и никаких следов на нём быть не должно. Он не спросил, откуда взялась степь и куда делось утро. Ему стало не до вопросов, потому что вопросы — это когда ты потерялся, а он больше не был потерян. У него была нитка, и нитку надо было держать, и идти, пока держится.

Он разжал кулак. На мокрой красной ладони лежала серёжка — три листика на стебельке. Он застегнул её себе за ворот, чтобы не потерять, и это было единственное тёплое, что он сделал за всё утро, — и от этого, странно, стало чуть легче.

Иван пошёл по следу.

Он шёл долго. Степь не менялась. Звёзды не двигались, и дорога в небе стояла над ним, не смещаясь, куда бы он ни шёл, будто шла туда же, куда и он. Инея под ногами делалось меньше, трава — выше, сухая, звонкая, по колено. А тёмная полоса впереди росла, поднималась, и Иван понял, что это.

Лес.

В степи не должно быть леса — это он знал даже здесь, даже сейчас. Степь и лес не сходятся так, стеной, без опушки, без подлеска, — а этот стоял именно так: ровная чёрная стена деревьев поперёк всего края, и след Златы шёл прямо к ней, и входил в неё, и терялся между стволов.

И там, где кончалась степь и начинался лес, кончалась и тишина. От леса шёл звук. Тихий, ровный, непонятный — не ветер, не вода. Похоже было, будто кто-то там, в темноте между стволами, очень тихо и очень долго смеётся.

Иван остановился на краю степи. След уводил в лес. Смех не переставал.

Он шагнул под деревья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.